

Сяо Цичэнь с интересом приподнял уголок губ: «А кем, по-твоему, я являюсь? Ныне придворные говорят, что Шестой принц хитер, умеет показать слабость, знает, когда наступать, а когда отступить, и так ловко обхаживает императора, что даже превзошёл в своё время Чжоу Жунхуа. Кстати, слова Лю Цинъяня были точно такими же. Помнишь его?»

Лю Цинъяня Су Янь, конечно, помнил.

В день их первой встречи Сяо Цичэнь как раз дрался с Лю Цинъянем. Маленький комочек, весь в пыли, но с гордым видом, а потом вдруг подбежал к Сяо Ципину и разревелся.

Увидев, что Су Янь вспомнил, Сяо Цичэнь сказал: «Знаешь, он недавно тоже поступил на службу. Повстречал меня у Чертога Великого Предела — глянул, будто привидение увидел, и ляпнул сквозь зубы: „Шестой принц — не простой человек“».

— Не обращай на него внимания, — отозвался Су Янь. — Он не стоит твоего времени.

Сяо Цичэнь промолчал и перевёл разговор: «Аянь, я же говорил: не ведаю, что такое чувства, не знаю любви, помню лишь ненависть. Я для цели пойду на всё, я хочу трон. Раньше ты, наверное, гадал, что я задумал? Теперь я сказал тебе прямо. Сможем ли мы остаться такими, как прежде?»

Эти слова повисли между ними — и обещанием, и преградой. Произнося их тогда, Су Янь не думал, что однажды их взгляды разойдутся и ему придётся выбирать. Он ставил превыше всего чувства и слово, Сяо Цичэнь же ценил выгоду и целесообразность.

Что он говорил? «Всё, что ты захочешь, — если смогу дать, дам».

Как же он был наивен! А когда столкнулся с реальностью, то вступил в конфликт с Сяо Цичэнем. Если и теперь продолжать упорствовать... Су Янь закрыл глаза и не ответил.

Сяо Цичэнь, кажется, ожидал такого ответа. Он тихо вздохнул: «Ладно, не будем портить прекрасный день. Ты уж несколько лет не отмечал со мной день рождения. Раз Се Хуэй говорит, что на горе можно устроить поэтическое состязание у ручья да полюбоваться цветами, почему бы не прогуляться и не отдохнуть душой?»

Он подал знак, и Су Янь принял его: «Давай».

Тронулись в путь. Горные цветы лишь робко показывали бутоны, до полного цветения было далеко, зато здесь журчали ручьи, зеленели сосны, и, вдали от столичной суеты, место это было как нельзя лучше для успокоения духа.

Су Янь с Сяо Цичэнем прошли в горы немного, поднялись вверх по течению и нашли гладкий камень там, где людей почти не было. Сяо Цичэнь предложил передохнуть, и они уселись. Тяньхуэй принёс с собой вино — лёгкое, почти безвкусное. Сяо Цичэнь отпил из фляги, взгляд упал на мешочек на поясе Су Яня, и он потянул за него.

— Мама сшила, — улыбнулся он, сверкнув белыми зубками, глаза прищурены, на лице — лёгкая ностальгия. — Я уж почти забыл о нём. Раньше ты, кажется, не любил носить его с собой.

— В Столичной армии носил, а когда отправили в Сюйчжоу, стал при себе держать. Иногда кладу туда успокаивающие пилюли — ночью лучше спится, — пояснил Су Янь и, сняв мешочек, протянул его Сяо Цичэню. — Понюхай. Если понравится, как-нибудь принесу тебе.

В ноздри ударил свежий травяной аромат, похожий на орхидею, но более прохладный. Сяо Цичэнь приподнял бровь: «Приятно. Где раздобыл? Никаких запретов тут нет?»

— Генерал Чжан Ли из Гвардии доблестной кавалерии подарил. Он родом с горы Куайцзи, там живёт молодой лекарь — знаменитый. Говорят, все местные к нему ходят, лечит без платы, и лекарства помогают. Генерал Чжан прошлой осенью навещал родных, вспомнил, что отец мой ночами спит плохо, и выпросил у того лекаря рецепт. Отец попробовал — вроде и вправду помогает. Травы все простые, свойства мягкие, вреда телу не должно быть.

Сяо Цичэнь снова понюхал мешочек: «Что ж, отлично. Как-нибудь перепиши мне рецепт, я попробую. Если поможет, дам и Пин-гэ — пусть перестанет по ночам кошмарами мучиться».

Су Янь спросил: «А что с принцем?»

Сяо Цичэнь вздохнул: «Разве не слышал про Ваньцин? Он почему-то чувствует перед ней вину... Ваньцин казнят после осени, а Пин-гэ с начала весны всё в тоске, ночами кошмары одолевают — даже супруга не может успокоить».

Говоря это, Сяо Цичэнь имел вид крайне раздражённый. Увидев, что Су Янь всё ещё не понимает, он махнул рукой и сам свернул тему: «Не будем об этом, тошно уже...»

— Редко когда тебя что-то так бесит, — заметил Су Янь, выхватывая у него флягу и отпивая глоток. Вино было почти безвкусным, словно для детей.

Сяо Цичэнь поднял глаза к синеве неба, слушая журчание ручья за спиной. Помолчав, закрыл глаза: «Меня многое бесит... Больше всего — действительно ли этот вертлявый парнишка из дома маркиза Пинъюаня на меня в обиде».

Даже вечно невозмутимый Тяньхуэй не сдержал фырканья. Су Янь смутился так, что, не будь у него в руках фляги, он не знал бы, куда деть конечности.

— Я не в обиде, — солгал Су Янь и, увидев, как разгладилось лицо Сяо Цичэня, а мушка под глазом будто ожила, вдруг подумал, что эта ложь не такая уж и плохая.

От природы он не умел лгать, но теперь, нарушив запрет, почувствовал, будто и другие его строгие принципы пошатнулись, образовав трещину.

И дальше говорить стало легче. Су Янь продолжил: «Тогда я был неправ — не следовало так говорить. Даже если ты действовал ради себя, решение твоё было верным».

Сяо Цичэнь странно посмотрел на него, потом, словно смирившись с неожиданными извинениями, кивнул.

Наступила неловкая пауза.

В этот момент в лесу послышался шорох. Тяньхуэй, обладая острым слухом, услышал его первым — рука уже потянулась к кинжалу за поясом. Но Сяо Цичэнь вдруг сказал: «Не нервничай, не злодеи».

Тяньхуэй и Су Янь уставились на него с одинаковым недоумением. Сяо Цичэнь слегка кашлянул: «Я только что видел, как мужчина с женщиной свернули с тропы в лес. На воротниках — пионы. Наверное, на свидание пошли... Нравы у нас не слишком вольные, но Шансы — день особый, можно и посвободнее. Вы что, никогда такого не видели?»

Тяньхуэй, выросший во дворце, вытянулся в струнку и чинно отрапортовал: «Ваше высочество, с посторонними на свиданиях не бывал».

Его серьёзность рассмешила Сяо Цичэня до слёз. Зная, что это игра, он всё же весело указал на Тяньхуэя: «Хватит прикидываться! Не такой уж ты и чурбан. Как-нибудь дам тебе и Тянью выходной — отправляйтесь погулять. Десять ли красот Циньхуай — как можно прожить жизнь, не увидев их?»

Тяньхуэй улыбнулся: «Ваше высочество очень заботлив».

Глядя на них, Су Янь вдруг вспомнил кое-что и спросил Сяо Цичэня: «Ты до сих пор не вернул этих тайных стражников императору?»

Сяо Цичэнь ответил, как о само собой разумеющемся: «Дело о покушении не закрыто, убийцу не поймали. Если Тянью с Тяньхуэем уйдут, а меня снова на дороге решат прикончить — что тогда? Боюсь я».

Су Янь, выслушав эту чушь, не удержался и ущипнул Сяо Цичэня за щёку. Шестой принц, с его нежной кожей, тут же покраснел, прикрыл щёку и уставился на обидчика.

И этот взгляд заставил Су Яня замереть на месте.

Сяо Цичэнь был похож на Чжоу Жунхуа — черты изящные, даже несколько женственные.

В детстве он был мягким белым комочком, улыбался — и тёмные глаза превращались в полумесяцы. Потом, повзрослев, стал красавцем — алые губы, белоснежные зубы. Во дворце же, под холодными взглядами императрицы, стал худым и хрупким, взгляд — настороженным и злым, словно у испуганного котёнка, лишь изредка проглядывала ленивая натура. Раньше, когда они не виделись подолгу, Су Янь не замечал перемен, но теперь, после того как Сяо Цичэнь окупился в государственные дела, он вдруг увидел разницу.

Черты лица будто оформились — брови и глаза, словно нарисованные, уголки губ слегка приподняты, мушка под глазом и прядь волос на виске придавали обманчивое изящество, прямо-таки прекрасный юноша в этом брэнном мире. Но в душе у него было столько всего, что лёгкости не осталось.

Казалось, Сяо Цичэнь похоронил прежнего себя — того, что бывал то безмятежным, то ленивым. Он изо всех сил старался казаться степенным, и лишь в том взгляде, что он только что бросил, мелькнула искра жизни.

Су Янь почувствовал, как дрогнуло его сердце. Он внезапно подумал: «А пусть даже изменился. Этот взгляд был точь-в-точь как раньше. Пока в нём есть хоть что-то от прежнего, я могу верить».

<http://bllate.org/book/15940/1425076>